

МОДАЛЬНОСТЬ С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

Модальность в лингвистике чаще рассматривалась в качестве грамматической, функционально-семантической категории, однако в настоящее время осуществляются попытки ее анализа в лингвопрагматическом ключе, поскольку ни один тип дискурса не может быть организован без участия модальности. Данный аспект предусматривает активную роль модальных экспликаторов в формировании коммуникантами речемыслительных актов и интенций, в реализации вербального поведения и оценки задач, решаемых в процессе общения.

Целью доклада является определение лингвопрагматических параметров модальности с опорой на идеи Т.А. ван Дейка, одного из основателей когнитивной теории дискурса, в сочетании с полевой, функционально-семантической теорией данной категории А.В. Бондарко. Анализ проводился на материале дискурсов с компонентами языковой игры.

Онтологическим свойством модальности является соотношение высказывания и действительности с точки зрения говорящего в соответствии с полнотой его знаний об объектах, степенью удовлетворенности его потребностей, желаний, стремлений, интересов, целей.

Лингвопрагматическую интерпретацию модальности дискурса можно охарактеризовать как правила, охватывающие разновидности используемых в нем модальных значений и их комбинаторику. Семантика высказываний при этом отражает буквальные, денотативные смыслы и является исходной для их прагматической модальной трактовки [1], которую осуществляет говорящий: все события, отраженные в дискурсе, слушающий воспринимает модально осмысленными.

Система правил и механизмов, регулирующих прагматическую деятельность модальности в дискурсе, формируется понятиями макроструктуры, суперструктуры, макропропозиции, предложенных Т.А. ван Дейком.

Макроструктурой модальности как «абстрактного семантического описания глобального содержания категорий и, следовательно, глобальной связности дискурса» [2, с. 41] следует считать речемыслительную способность субъекта воплощать действительность в пропозицию языковых единиц.

Модальными суперструктурами являются когнитивные модели языковых репрезентантов, схемы, дающие возможность сконцентрировать внимание только на необходимых для изучения свойствах объекта [2, с. 46–47]. Дискурс и описываемые в нем факты профилируются в отношении к индивидуальным нормам и ценностям коммуникантов. В этом смысле модальность идентифицирует отнесенность единиц дискурса (главным образом высказываний) к тому или иному возможному миру, имеющемуся в распоряжении участников коммуникации, и реализуется с помощью

дихотомических когнитивных параметров реальности/потенциальности, креативности/дескриптивности, волитивности/вероятности [3]. Модально оформленные высказывания репрезентируют, таким образом, последовательность действий, отображающих переход от исходного возможного мира к желаемому возможному миру.

Приведенные величины и их комбинаторика дают основания для репрезентации суперструктуры модальности в виде макрополя волеизъявления (с полями оптативности, императивности, необходимости) и макрополя вероятности (с полями проблематической, простой, категорической достоверности и возможности) [3, с. 63–70]. Задавая общую форму, суперструктура модальности и ее виды организуются макропропозициями, которые выводятся из множества подобных явлений, конструируются на основе значений слов и акцентируют в первую очередь модальный объем информации. Макропропозиции в суперструктурах модальных макрополей волеизъявления и вероятности можно представить следующим образом:

Суперструктуры	Поля	Макропропозиции
Волеизъявление	Оптативность	<i>S желает P</i>
	Императивность	<i>S побуждает к P</i>
	Необходимость	<i>S должен P</i>
Вероятность	Проблематическая достоверность	<i>S предполагает P</i>
	Возможность	<i>S может P</i>
	Простая достоверность	<i>S констатирует P</i>
	Категорическая достоверность	<i>S акцентирует уверенность в P</i>

В качестве дискурсивной категории, выходящей за пределы лексической и грамматической семантики, модальность реализует также коммуникативные стратегии и тактики, благодаря которым обнаруживаются знания, мнения, убеждения, установки, интересы, цели пользователей языка, способы и пути реализации понимания адресатом авторского отношения к изображаемому. Если стратегии воплощают «глобальные намерения» автора (по Т.А. ван Дейку), его замысел, позицию, избранные им правила применения языковых единиц для реализации конкретных коммуникативных целей дискурса, то тактики представляют собой совокупность средств и приемов, используемых для достижения этих целей. Поскольку в коммуникативном общении субъекты часто стремятся достичь более чем одну цель, можно говорить об иерархии общих и частных стратегий. Наиболее общими модальными стратегиями выступают две: адресованное или неадресованное побуждение говорящего к выполнению/невыполнению действия адресатом; экспликация говорящим степени полноты своих знаний о явлениях действительности или о содержании высказываний, формирующих тем самым позицию адресата.

Частными стратегиями модальности волеизъявления могут быть следующие: *апелляция* говорящего к адресату в виде приказа, просьбы, распоряжения, предупреждения, привлечения внимания и т.д.; *желание* говорящего осуществить действие; *неизбежность*, с точки зрения говорящего, совершения действий, событий либо *закономерность* того, что

должно произойти. Частные стратегии вероятности реализуются в следующих позициях: *неуверенность* говорящего в своих знаниях относительно достоверности событий; *допустимость*, *способность* возникновения или осуществления чего-либо с точки зрения говорящего; *объективация* говорящим достоверности событий, основанная на его знании положения дел; *ультимативность*, *акцентирование* говорящим знаний о событиях и ситуациях.

Модальные тактики в качестве комплекса языковых и речевых приемов построения дискурса [4, с. 446] и коммуникативных ходов как речевых действий [5, с. 117] выявляются в каждом конкретном случае в соответствии с авторскими интенциями и стратегиями. Среди выделенных лингвистами тактик можно отметить следующие: убеждение, совет, запрет, угрозу, привлечение внимания, защиту своей позиции в виде извинения, оправдания, объяснения, экспликацию норм, навязывание взглядов и желаний, самопрезентацию, пояснение, разъяснение, уточнение, комментирование, противопоставление, предположение, предупреждение, упрек, маскировку, имплицитность, уклонение от темы, смягчение, выделение, преувеличение, противоречие, установление контакта и др. (Т.А. ван Дейк, О.С. Иссерс, Е.В. Ильина, Т.В. Романова, С.В. Кокорина, О.Н. Паршина, Е.П. Пензева, Е. Доронина и др.). Как видно из примеров, модальные стратегии и тактики пока не имеют жесткого разграничения.

Модальные макроструктуры, суперструктуры, макропропозиции, стратегии, тактики являются лингвопрагматическими основаниями построения любого дискурса, необходимы для эффективной экспликации позиции говорящего, а также для реализации «желаемых семантических представлений и соответствующих моделей у слушающего» [2, с. 279]. Говорящий с его намерениями предстает как статусная, нормативная единица совокупной языковой личности разного уровня обобщения, вследствие чего саму модальность можно квалифицировать как категорию intersubjectивную, обнаруживающую накопленный поколениями предшественников опыт. Лингвопрагматическая организация модальности дает основание считать модальные средства маркерами-индексами релятивных, интерпретационных отношений, а саму категорию — явлением метакоммуникативного уровня, указывающим на тот вариант суждения, который должен избрать адресат в соответствии с замыслом автора.

Разнообразие модальных реализаций, осуществляемых автором, обуславливает их различные комбинации, специфичные для каждого дискурса. Особенностью данных процессов является употребление идентичных модальных квалификаторов в различных типах дискурса.

Лингвопрагматические характеристики модальных единиц наиболее выразительно проявляются в дискурсах с непрямыми способами выражения модальных отношений, речевые смыслы которых требуют дополнительных интерпретативных усилий адресата. В лингвистической литературе данное явление называют также косвенной, неконвенциональной, неформальной

коммуникацией, имплицитными, конситуативными смыслами. Языковые единицы в этом случае становятся нагруженными дополнительным содержанием и часто выступают в несвойственной им роли, формируя порой неожиданные дискурсивные значения. Механизм данного явления заключается в том, что высказывания, «обладающие одной иллокутивной силой, ... могут использоваться для осуществления акта, у которого другая иллокутивная сила» [6, с. 209]. Подобные процессы в функциональной грамматике называются транспозицией: переход слова из одной части речи в другую или использование одной языковой формы в функции другой (Ш. Балли, Л. Теньер, О. Есперсен, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова и др.). В лингвопрагматике чаще используется термин *транспонирование* (транскрипция, трансформация) с акцентом на деятельностный компонент: перевод смысловой структуры высказывания в другой пласт реальности, в иной возможный мир. Основным механизмом в транспонировании американский социолог И. Гофман считает переключение, когда предполагается, что участники знают и открыто признают систематические перемены, радикально преобразующие смысл происходящего: каждое транспонирование можно интерпретировать как добавление какого-то наслоения [7, с. 143].

В качестве иллюстрации мы приводим высказывания с элементами языковой игры — особой формы лингвокреативной деятельности, отражающей нестандартное, неканоническое варьирование коммуникантами вербальных средств, которое носит характер остроты, балагурства, каламбура, шуток [8, с. 367].

Так, мини-дискурс *Конь в яблоках и гусь в яблоках — это две принципиально разные судьбы* реализует общую стратегию волеизъявления, объективированную пропозицией с семантикой необходимости: 'не следует смешивать несоизмеримое, несовместимое'. Хотя формально является индикативным высказыванием, констатирующим факты реального мира. В представленной коммуникативной ситуации эксплицируются следующие тактики: акцентирование и синтаксический параллелизм, устанавливаемые с помощью повторов предложно-падежных структур, контраст семантики пропозитивных планов и их одинакового формально-грамматического устройства, контаминация компонентов дискурса с разной семантической организацией, маскировка модальных отношений (мини-дискурс формально — репрезентатив, фактически — директив с информационно-инициирующим значением). В анализируемой коммуникативной ситуации также эксплицирована тактика имплицитной каузации: ожидаемая реакция адресанта (говорящего) заключается в том, чтобы адресат способствовал выполнению каузируемого действия — понял завуалированный модальный смысл.

Подводя итог сказанному, отметим, что модальные квалификаторы в конкретных речевых ситуациях, где существуют говорящий и слушающий с их моральными, социальными, поведенческими установками, жизненным опытом, коммуникативными намерениями, выступают как мотивированные

интерсубъективные метасредства: реализуя прагматические цели, обеспечивают эффект присутствия в дискурсе коммуникантов, манифестируют авторские идеи, сцепляют разные пласты реальности (возможные миры), интегрируя их в единый дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков, В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. — Сер. литературы и языка. — М., 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 368–377.
2. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание, коммуникация. — М., 1989.
3. Паўлоўская, Н.Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове: манаграфія. — Мінск, 2012.
4. Золотова, Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 2004.
5. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Изд. 5-е. — М., 2005.
6. Серль, Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. — Выпуск 17. — М., 1986. — С. 195–222.
7. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — М., 2003.
8. Санников, С.В. Русский язык в зеркале языковой игры. — Серия Язык. Семантика. Культура. — М., 2002.